

Какой символическій образъ гиганта, который, какъ въ сказкѣ, сразу возговорилъ голосомъ человѣческимъ и сразу же сталъ выпутываться и барахтаться! И вся жизнь писателя—рядъ усилій освободиться отъ путъ традицій, предразсудковъ и суевѣрій,—классовыхъ, религіозныхъ, общественныхъ, наслѣдственныхъ.

Какъ Гомеръ, и Толстой, прежде всего писатель, плотью и кровью связанный съ той средой, которую онъ изображаетъ, и изъ которой самъ вышелъ; но личность автора ни на минуту не исчезаетъ у Толстого и отношеніе его къ героямъ вполне самостоятельное и часто очень критическое. Писатель силится высвободиться изъ подъ власти традицій и въ этомъ его огромная заслуга, и съ этой стороны усилія писателя представляютъ цѣннѣйшій магерьяль для наблюдений за ростомъ и постепеннымъ освобожденіемъ личности.

Обыкновенно принято считать, что въ дѣятельности Толстого было два опредѣленныхъ періода,—одинъ до перелома, изображеннаго въ „Исповѣди“, другой послѣ перелома.

Но это утвержденіе основано на слишкомъ довѣрчивомъ и не критическомъ отношеніи къ личнымъ признаніямъ самого Толстого.

Его „Исповѣдь“, какъ и всякій автобіографическій источникъ, имѣющій всегда и публицистическія цѣли, написана односторонне и представляетъ дѣло не такъ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ, а подъ угломъ переживаемыхъ авторомъ настроеній опредѣленнаго момента его жизни. Въ дѣйствительности и до „перелома“, и послѣ него Л. Н. Толстой—это рядъ исканій, рядъ противорѣчій, которыя при всемъ своемъ многообразіи имѣютъ одинъ и тотъ же психическій и этический центръ.

Уже въ дѣтствѣ намѣчаются условія, которыя должны создать писателя съ вдумчивымъ, аналитическимъ умомъ, склоннымъ къ морализированію.

Некрасивый, несвѣтскій, неловкій, рано потерявшій мать и отца, немного одинокій въ своемъ сиротствѣ, Толстой рано проникается жаждой самоулучшенія и самосовершенствованія, рано обнаруживаетъ склонность къ размышленію, нѣкоторую подозрительность и мнительность. Настроенія Иртеньева всецѣло могутъ быть отнесены къ Толстому—„на меня часто, пишетъ онъ, находили минуты отчаянія. Я воображалъ, что нѣтъ счастья на землѣ съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и сѣренькими маленькими глазками, какъ я. Я просилъ Бога сдѣлать чудо—превратить меня въ красавца... и все готовъ былъ бы отдать я за красивое лицо“.

Неудачная мазурка приводитъ Толстого въ самое мрачное настроеніе: „всѣ презираютъ меня и всегда будутъ презирать,—мнѣ закрыта дорога ко всему: къ дружбѣ, къ любви, почестямъ,—все пропало“!

Неудачи и маленькія дѣтскія огорченія усиливаютъ самоанализъ часто безпощадный, проникающій во все тайные мо-